

Памятная записка по вопросу культурного строительства в российском социуме

О некоторых категориях культурологии

Культура в своём предельном выражении есть сложившаяся в социуме система взаимных отношений индивидуумов и социальных страт. Конечная цель данной системы – оптимизация существования, деятельности и развития социума, страт и индивидуумов, его составляющих. Культура – явление чрезвычайно многогранное, и его структура очень сложна. Внешнее выражение культура находит в этикете, т. е. правилах общения (во всех смыслах этого слова – от случайных встреч с прохожими на улицах до деятельности многочисленных сложно организованных профессиональных и социальных коллективов); программа руководства поведением в социуме – мораль; глубинные основы культуры совпадают с первоосновами психики.

Культура является свойством высокоорганизованной жизни, и при этом не только разумной. Труды ведущих биологов (см., напр., К. Лоренца и И. Эйбл-Эйбесфельдта) показывают наличие культуры и в животном мире, что, впрочем, известно каждому из нас благодаря ярким примерам пчелиных, муравьиных и термитных сообществ, волчьих, крысиных и иных стай. Это достаточно ясно показывает *биологический характер* культуры, а различие культур разных сообществ демонстрирует ещё и *видовую* её обусловленность.

Помимо биологически-видовой обусловленности, существует также и *географическая обусловленность* культуры, подтверждаемая явственным различием культур разнообразных рас и этносов внутри в общем-то единого человеческого биологического вида.

Продукт культуры – социум, сложившийся, функционирующий и развивающийся на базе определённой системы отношений – представляет собой то, что именуется *цивилизацией*. Понимание культуры как суммы образования и искусства не то что упрощено, а в корне неверно. Образование есть не что иное, как процесс адаптации человека (группы, страты) к культуре, да и то не само по себе, а только в единстве с воспитанием. Забвение этой истины, в частности, пренебрежение воспитанием, к сожалению, способствовало, например, складыванию в российском социуме малопривлекательной и скорее вредной, чем полезной, социальной страты, именующей себя "интеллигенцией", которую Ф. Достоевский определил как "маленький чужой народик" (а через сотню лет А. Солженицын дал ей удачное название "образованцев").

Искусство же есть не культура, но *продукт* культуры, наиболее яркий её показатель, своего рода индикатор, дающий возможность качественной оценки культур и их различий. Например, разницу культур Западной Европы и Евразии можно продемонстрировать сопоставлением двух знаменитых литературных героев – д'Артаньяна и Раскольникова. Обаятельный персонаж А. Дюма, совершенно не задумываясь, режет людей десятками в откровенно корыстных целях, в то время как задумчивый герой Ф. Достоевского, убив двух мерзких старушенок ради целей высоких и благородных (в его первоначальном понимании, конечно; и, кстати сказать, ради целей, импортированных из западного менталитета), оказывается не в состоянии перенести этого. Подобное сопоставление – неплохой материал для сравнения психических основ данных культур и их взаимовлияния.

Религия и культура

Наиболее ясно географическую обусловленность культуры можно продемонстрировать на примере религии, причём здесь (как и в подавляющем большинстве других закономерностей) главную роль играет такой географический фактор, как

психологические свойства рас. Раса – явление вполне географическое, она имеет чёткую территориальную привязку, и свойства её психики обусловлены свойствами земной поверхности и климата. Если говорить о нашей расе – белой (а в научной классификации – большой европеоидной) – то она, имея общее (до известной степени) происхождение, в настоящее время делится на три основных расы – атлантическую или западноевропейскую, восточно-балтийскую или евразийскую (к ней принадлежим и мы, славяне) и индо-средиземноморскую. При этом индо-средиземноморская раса, по ряду причин в общем мнении относимая к большой европеоидной расе, в строго научном плане является скорее переходной между европеоидами и негроидами. Расовое деление – ключ ко многим загадкам генезиса и функционирования культур.

Так, индо-средиземноморская раса по своим культурным особенностям среди прочего является "фабрикой религий" ("раса откровения", по Л. Ф. Клаусу). В её недрах сложилось и христианство, но довольно быстро (в историческом плане) было вытеснено новым учением – исламом, удержавшись у индо-средиземноморцев только в западной части бассейна Средиземного моря в форме католицизма. В атлантической расе христианство приобрело формы протестантизма, в восточно-балтийской – православия греческого толка.

В каждом конкретном случае это обусловлено расовым психотипом. Католицизм есть преображение древнейшего западно-средиземноморского лунного культа Матери богов, протестантизм – солнечного эддического культа, греческое православие – культа ведического, также солнечного. Наибольший интерес представляет тот факт, что христианство, зародившееся на стыке рас как развитие лунных сотерических культов, стало религией именно белой расы, и в качестве таковой – солнечным культом. Железная зависимость типа культуры от расового психотипа сработала и здесь, а исключения, вроде распространения православия у амхарцев (нилотов), грузин и армян (классических индо-средиземноморцев) или католичества среди западных славян (восточных балтов), как водится, только подчёркивают общее правило, или, выражаясь корректнее, напоминают, что культурные процессы имеют характер не абсолютный, а статистический.

Сущность религиозного показателя культур в том, что определённая раса или этнос принимает ту религию, которая выражает его фундаментальные этические представления, заложенные в его расовой (этнической) психологии. Поэтому вновь принимаемая религия будет похожа на прежнюю – за исключением каких-то определённых моментов, отражающих *новые* достижения расовой/этнической психики. Ибо, как и человеческая психика, расовая/этническая психика развивается, вырабатывает и усваивает новые постулаты.

В каком-то смысле религию можно назвать матрицей культуры. Религия отражает сущность культуры и одновременно культура строится на основах, зафиксированных в религиозном каноне. Поэтому религия – сущностный признак культуры, она носит расовый характер (как христианство для европеоидов) и даже характер национальный (как греческое православие для греков, русских и т. п.). Кажущееся противоречие этого положения и религиозного (в нашем случае христианского) универсализма снимается учением об избранности.

Именно поэтому "воинствующие безбожники" с таким рвением атаковали православие, намереваясь создать на месте русского этноса другой, с более устраивающими их свойствами (*не избранный*). Собственно, "атаковали" звучит неверно: эта работа продолжается, только за прошедшие годы они поумнели и вместо логических построений, т. е. пути через сознание, в настоящее время действуют через подсознание, в полном соответствии с теорией Фрейда, являющейся в конечном счёте методологией управления населением.

Структурные соотношения

Ни расовая, ни даже национальная культура не являются гомогенными. Как и любое природное явление, культура имеет весьма сложную структуру. Выше уже говорилось о вертикальных соотношениях, т. е. иерархии культурных пластов, но, оставляя этот вопрос философам, перейдём к горизонтальному строению культуры.

В этом плане культура, имея некий усреднённый вариант (равнодействующую многих культурных векторов) состоит из множества субкультур. Во-первых, это *территориальные* (местные) варианты национальной культуры, которые существуют даже внутри якобы гомогенных наций ("якобы", поскольку реально гомогенных наций в природе нет, за явными исключениями типа Исландии, Науру и т. д.). Русский этнос состоит из 17 (или 19 – по разным методикам определения) субэтносов, и каждый субэтнос имеет собственную субкультуру, а некоторые из них претендуют даже на самостоятельную культуру, как малороссы и, в особенности, галичане. Но и внутри каждого субэтноса имеются определённые варианты. Например, среди великороссов – субэтноса, до недавнего времени главенствовавшего в России политически и, пожалуй, доминирующего в русской культуре до сего времени – тоже имеются ультрасубкультурные варианты, и владимирцев с рязанцами не спутать.

Во-вторых, *стратовые* субкультуры, под каковым термином мы подразумеваем субкультуры социальных страт, образовавшиеся прежде всего вследствие выделения определённых групп населения из привычного круга территориальных субкультур (разрыва с "малой родиной", которая в жизни человека играет гораздо большую роль, чем принято ей отводить). Качество этих субкультур различно – от максимально благотворного, каковы субкультуры военная, духовная и др., до максимально губительного (для социума) – уголовная, бюрократическая, зрелищная и т. п. Стратовые субкультуры в наибольшей степени отвечают понятию классового деления и имеют с ним прямую связь. Хотя по определениям отцов марксистской социологии, причина классовообразования лежит в экономических отношениях (не в имущественных! -- это уже опасная подтасовка, как и деление классов на эксплуатирующие и эксплуатируемые).

Великое изгнание крестьян с земли в эпоху советской власти непомерно увеличило численно тот класс, возникновение которого с тревогой отмечали ещё Г. Успенский, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский и М. Меншиков – "рабочий класс", "пролетариат", пользуясь прежней терминологией, или, попросту, класс наёмных работников.

Субкультура этого класса настолько непривлекательна, безжизненна и бесперспективна в смысле культурного строительства, что так и тянет зачислить её в антисоциальные, но, поскольку её носители составляют не менее 60 % численности социума, то делать это бесполезно. Количество, как и полагается, перешло в качество, и ныне субкультура наёмных рабочих – лицо российской культуры (то самое, что наши оппоненты именуют "совок"). А вот о крестьянской субкультуре говорить трудно. Крестьянская субкультура фактически составляет то, что мы поименовали территориальными субкультурами. Но трудно говорить и о сохранении территориальной субкультуры в крестьянстве – во-первых, из *сельского* населения России крестьянство, т. е. люди, занимающиеся традиционным крестьянским трудом, составляют не более четверти численности (остальные – в основном те же наёмные работники), во-вторых, и эти немногочисленные крестьяне находятся в роли *землепользователей*, но не *землевладельцев*. Иначе говоря, искажена сама сущность крестьянства, что не благоприятствует сохранению территориальных вариантов субкультур. Эта особенность русского социума – одна из серьёзнейших проблем культурного процесса в России.

Собственно, такой и была одна из главных целей "неистовых ревнителей" 20-60-х гг. – ликвидация русской крестьянской культуры. И, хотя полного успеха они не добились, всё же продвинулись по этому пути на такое расстояние, что надежды наших радикальных

консерваторов на возвращение к ситуации 1913 г. совершенно беспочвенны. 90 % процентов крестьян в России тогда – и 8 - 10 % теперь, да и эти 8 - 10 % крестьянами можно называть только с определённой долей условности. Возврат к дореволюционному варианту культуры невозможен даже по чисто статистическим показателям.

В-третьих, в культуре существуют *диаспорные* субкультуры. Речь идёт не только о навязшем в зубах еврейском вопросе, хотя еврейская диаспора в России отличается наибольшим рвением именно в навязывании своего варианта культуры окружающим, и переключить их энергию на мирные цели вряд ли уже удастся. На территории русского расселения имеется масса диаспор, как чужеземных, так и инородческих (т. е. принадлежащих малым этносам России, точнее, их представителям, проживающим за пределами своей этнической территории). Наибольшую массовость и наибольшую культурную активность демонстрируют, кроме евреев, закавказская и малороссийская диаспоры – каждая в своей нише (евреи – в культурной сфере, малороссы – в управленческой, закавказцы – в сфере торговли и обслуживания – кстати, все они принадлежат к индо-средиземноморской расе). Не имея ничего против их этнических культур, укажем, что само по себе вторжение чужих культур, далеко уступающих русской по качеству, но превосходящих её в агрессивности, оказывает весьма неблагоприятное воздействие на культурный процесс в стране.

Особенно тревожно малороссийское воздействие. Евреи и закавказцы – иноэтничны и инорасовы, их варианты культуры воспринимаются с трудом (хотя всё-таки воспринимаются!), в то время, как малороссы, хотя и представляют, по-видимому, переходный тип между восточно-балтийской и индо-средиземноморской расами, в этническом плане всё-таки являются русским субэтносом (довольно частый вариант – многорасовый этнос; двурасовыми этносами являются, например, китайский, французский, итальянский, а германский – даже трёхрасовым). И в этом качестве малороссийское культурное влияние особенно опасно, поскольку вносит в русскую культуру инорасовые ценности в оболочке моноэтнических. Влияние малороссийской субкультуры создавало немалые проблемы для России с самого присоединения Малороссии, начиная с раскола при Алексее Михайловиче и теоретических обоснований дворянской диктатуры при его сыне, Петре. И впредь правительству и обществу России следовало бы обратить более пристальное внимание на проблему инфильтрации малороссийской субкультуры.

Четвёртый непереносимый элемент культурной структуры – *инокультуры*. Вообще-то, трудно провести чёткий раздел между диаспорными субкультурами и инокультурами – разве только методологически. Субкультуры действуют через группы чужеземцев на нашей территории, инокультуры же – дистанционно, через средства массовой информации, и тем мощнее, чем мощнее поток информации через последние и чем менее этот поток контролируется.

Помимо привлекательности инокультур как следствия естественной человеческой любознательности, эффект их воздействия зачастую кумулируется специальной организацией их подачи правительствами иностранных государств. Классический пример – деятельность ЮСИА по программе, сформулированной А. Даллесом ещё в 1945 г. Само по себе взаимодействие культур в историческом процессе проявило себя вполне исторически, т. е. неоднозначно -- как негативно, так и позитивно. Достаточно часто культурный обмен приводил к взаимному обогащению культур и к переходу их на новую, высшую ступень развития. Ещё один классический пример – воздействие византийской культуры на славянскую цивилизацию вообще, и на Русский каганат в частности. Но, даже самая доброкачественная и благотворная инокультура в силу своей инаковости привносит с собой элементы, настолько чуждые для акцепторной культуры, что они оборачиваются ей во вред (в вопросе о византийском влиянии такими моментами можно считать концепции цезаризма, подавления общественной самодеятельности, забвения национального вопроса и пр.). Так что в любом случае о благотворности влияния

инокультуры можно утверждать только в случае нахождения положительного баланса негативных и позитивных результатов её воздействия.

Точно так же и негативная инокультура может принести с собой некоторые позитивные моменты, которые, однако, не сыграют большой роли на общем фоне её воздействия. Например, в VIII в., после завоевания арабами Средней Азии масса согдийских эмигрантов устремилась в единственный в то время расово родственный им Уйгурский каганат, и принесла с собой высокоразвитую согдийскую культуру, а заодно с ней и бионегативную религию – манихейство. Вскоре манихейство стало официальной религией Уйгуристана, и, хотя попутно согдийцы обучили уйгуров земледелию, принесённая ими религия убила последнее государство потомков скифов-ариев в Великой степи за полвека и так надёжно, что с тех пор уйгуры уже никогда не имели своей государственности. В настоящее время, однако, чаще всего в облике инокультуры выступает *аккультура*. Это – интересный (в культурологическом плане) вариант, возникающий в мировых мегаполисах и носящий подчёркнуто космополитический характер. В XIX - первой половине XX века наиболее известной и агрессивной была аккультура Парижа, в настоящее время – аккультура Нью-Йорка - Лос Анджелеса (аккультура НЙЛА).

Аккультура обычно является привлекательной для декультуризованных кругов всех социумов, т. е., в конечном счёте, для их денационализированных слоёв. Т. н., в XIX в. бывали периоды, в которые до 100 тыс. подданных Российской империи одновременно *постоянно* проживали в Западной Европе, в подавляющем большинстве в Париже – и не какие-нибудь тургеневские разночинцы, а русские помещики и отставные чиновники высших классов, живущие на доходы, поступающие из России.

Аккультура создаётся как следствие процесса биологического вырождения человека, в ходе которого, среди прочих деградаций, индивидуум впадает в чисто животный эгоизм. Вследствие этого основой аккультуры становится доведённый до предела гедонизм в сочетании с принципиальным отказом от всех социумных связей, т. е. фактически выход индивидуума из социума. Процесс вырождения идёт повсюду, параллельно с процессом биологического совершенствования, а потому и аккультурные сообщества существуют повсюду – разумеется, в городах. Урбанистическая среда предоставляет наибольшие возможности для гедонизма, и, чем больше город, тем многочисленнее и влиятельнее в нём космополитическое сообщество.

Естественно, в целях самозащиты от социума, продолжающего предъявлять к ним свои требования, такое сообщество пропагандирует в нём аккультуру и, в конечном счёте, отринув социум, само вынуждено организовываться в некий антисоциум ("маленький чужой народик"). Такие сообщества, борющиеся против национальных культур, достаточно давно используются правительствами мировых держав с целью воздействия на политику определённого социума через его культурные установки. Яркий пример – достижение Францией военного союза с Россией против Германии в 80-х гг. прошлого века, вследствие чего Россия уже через 30 лет оказалась втянутой в бессмысленную войну за французские великодержавные амбиции против своего естественного геополитического союзника. Последствия этой культурной перверсии общеизвестны и нам ещё долго предстоит их расхлёбывать.

Эту практику правительство США после 1945 г. сделало повседневной и превратило её в глобальную психологическую войну. Примеры побед в этой войне многочисленны, но наиболее впечатляющая – крушение СССР, источенного внутри червями космополитизма. Что же касается глобальной психологической войны, которую вёл сам Советский Союз, то уже в 50-х гг. она стала неэффективной, и не в последнюю очередь потому, что практически не имела культурного измерения.

Мы должны ещё раз обратить внимание на то, что культурный аспект глобальной психологической войны США не имеет ничего общего с американской национальной культурой (насколько вообще можно говорить о единой американской национальной культуре, да и вообще об американской нации), и в конечном счёте Штаты ведут её и

против собственного населения тоже. Взаимодействие национальных культур – процесс медленный, поскольку носит естественно-исторический характер; политические же задачи требуют быстрых результатов. Поэтому информационное сообщество США ведёт пропаганду именно акультуры в расчёте на силу и влияние вырожденных космополитических сообществ. Надо сказать, оно добивается в этом известных успехов, особенно в России, где в силу исторических реалий XX в. доля акультурной среды, т. е. биологических вырожденцев, значительно выше нормы.

Поскольку распространение акультуры НЙЛА ведётся из единого центра и в глобальных масштабах, то она предстаёт уже в обличье *монокультуры*. В настоящий момент именно монокультура представляет собой наиболее грозную опасность для культурного процесса в России, и не только в России.

Угроза монокультуры

Механизм складывания существующих в настоящее время цивилизаций можно описать одним словом – колонизация. Колонизация есть процесс распространения культурных основ определённой цивилизации на определённой территории. Причём территория эта ограничивается наличием определённых географических условий – от схожести строения рельефа до схожести психотипов населяющих данную территорию этносов. Например, эвенки и чукчи вошли в евразийскую цивилизацию, а индейцы северо-запада Америки оказывали русской колонизации свирепое сопротивление, пока мы не продали Аляску американцам; с американцами же у колошей и тлинкитов всё пошло как по маслу. Цивилизационное учение вообще определяет цивилизацию как комплекс "этнос-ландшафт", вмещающий оригинальный вариант культуры. При этом цивилизации подразделяются на мировые, региональные и локальные. В научном плане равны и Дальневосточная цивилизация с её двумя миллиардами членов и цивилизация негроидного племени, десяток лет назад отысканного в джунглях Малайзии и насчитывающего 300 человек. На практике же мировые цивилизации быстро поглощают такие локальные островки, предоставляя их жителям свой, более высокий культурный вариант. Колонизация – естественно-исторический процесс. Действие закона колонизации можно грубо уподобить действию физического закона сообщающихся сосудов. Она осуществляется заселением колонизируемого региона населением метрополии, вхождением его в общую экономическую систему и т. п. В любом случае колонизация представляет собой создание компромиссного варианта пришлой и местной культур, который представлял бы собой субкультуру колонизирующей цивилизации (или этноса). Характерный пример стихийной цивилизационной колонизации – колонизация Сибири на её раннем этапе.

Формирование мировых цивилизаций стало возможным вследствие и по мере установления контроля над пространством. Развитие транспорта и связи убивало локальные цивилизации. В то время, когда русские отряды искателей мягкой рухляди только эпизодически проникали за Урал, Палеосибирская цивилизация существовала, не будучи затронутой ничьими культурными влияниями. Организация речных коммуникаций привела к утверждению русской политической системы в Сибири, строительство сибирских трактов вовлекло племена палеосибириков в русскую экономическую систему, а Транссибирская железная дорога – попросту к исчезновению палеосибирского варианта культуры в тех регионах, через которые она проходит. На этнических картах Хабаровского и Приморского краёв можно найти много разных местных племён, но на месте можно уже найти самое большее *потомков* этих племён, культура которых уже ничем не отличается от местного варианта единой евразийской культуры. В то же время в регионах, доступ в которые до сих пор затруднён, культуры чукчей, якутов, нганасанов, кетов и пр. до сих пор сохраняют некоторую меру своеобразия.

Таким образом, каждая цивилизация формирует и организует своё большое пространство, лежащее в пределах её досягаемости. Но в настоящее время средства связи и транспорта в определённой мере связаны в единую глобальную систему и тем самым созданы предпосылки для формирования некоей глобальной цивилизации, или Суперцивилизации. Разумеется, любое правительство и достаточно организованный социум быстро определяют и осуществляют планомерные мероприятия по ускорению и углублению колонизации. Как правило, эти мероприятия в первую очередь являются именно культурными. В Сибири это была миссионерская деятельность, изменение быта местных племён путём вовлечения их в торговлю (это уже одновременно и экономический момент), обучение прогрессивным методам использования ландшафта через русских поселенцев (а здесь уже просматривается и демографический аспект). Как известно, когда российское правительство перестала удовлетворять степень освоения Сибири, началось и организованное переселение населения европейской части страны за Урал.

Точно так же работает закон колонизации и в наше время. Массированное воздействие акультуры, проводимое правящими кругами США и мирового правительства (в общем-то, эти два понятия во многом совпадают) в целях создания Суперцивилизации направлено на колонизацию иных мировых цивилизаций. В большом пространстве Евразийской цивилизации оно уже обеспечило выполнение политических задач первого этапа – конкурент Соединённых Штатов – СССР -- сокрушён. На очереди экономическая организация евразийского большого пространства, и она ведётся. А политологи Запада уже выдвинули концепцию "Нового фронта". Как известно, термин "фронт" в истории США применяется к колонизации ими Дальнего Запада во второй половине XIX в. "Новый фронт" – концепция демографического аспекта колонизации России, заселения её носителями западной культуры.

И здесь естественно возникает вопрос – раз уж предпосылки для формирования Суперцивилизации созрели и её формирование – процесс объективный, а успешное наступление западной культуры показывает её превосходство над нашим культурным вариантом, то стоит ли противодействовать прогрессу? И очень многие решают для себя эту дилемму именно таким образом.

Оставим в стороне извечный спор сторонников эволюционной модели развития и сторонников циклической модели. Не будем также поднимать тему - воистину ли прогресс изначально и принципиально благодетелен, а консерватизм столь же принципиально губителен. Рассмотрим только те моменты, которыми так привлекательна Западная цивилизация.

В сущности, такой момент только один – темп развития технологии. Один, зато очень весомый. Западная цивилизация есть цивилизация технологическая. Технология присуща любой цивилизации, но темп её развития в Западной цивилизации исключителен. И то, что западная технология облегчает в материальном плане жизнь широких масс, в их глазах перевешивает то, что она давно уже пережила сама себя и стала бионегативной.

Пожалуй, с этим оставалось бы только смириться и молча ждать пришествия Суперцивилизации, если бы западный технологический путь не вёл в тупик.

Высокий темп развития технологии в Западной цивилизации – следствие таких малопривлекательных особенностей западной культуры, как агрессивность и презрение к "низшим". Именно агрессивность, та самая с которой люди западной культуры уничтожили Перуанскую и Месоамериканскую цивилизации и пытаются уничтожить цивилизации Дальнего Востока и Евразии, привела к тому, что их технология стала насилием над биосферой планеты. Парадигма западной культуры – бесконечно наращиваемое производство материальных благ для постоянного роста их потребления. Вопрос об отходах этого производства западная культура не в состоянии поставить. Бесконечно повторяется, что ресурсы планеты способны прокормить 50 (называются и ещё большие цифры) миллиардов человек, но стыдливо умалчивается, что способность биосферы к самовосстановлению позволяет иметь на планете не более 6 - 8 миллиардов

потребителей.

Можно очень долго перебирать обвинения экологов против технологии, но мы ограничимся тремя решающими: во-первых, тем фактом, что через 25 - 30 лет количество сине-зелёных водорослей в Мировом океане упадёт до такой степени, что потребление кислорода станет превышать его поступление в атмосферу; во-вторых, появлением и ростом озоновых дыр; и в-третьих – лавинообразным ростом негативного генофонда вследствие открытий в области медицины (по некоторым данным, уже *четвёртая часть* населения Земли). Каждое из этих явлений способно прикончить биоценоз планеты (вместе с нами) в течение одного - двух столетий, и каждое – следствие технологической деятельности Западной цивилизации.

Даже самого прозападного и технологически ориентированного исследователя данные факты заставляют признать, что Суперцивилизация – это смерть людского рода на Земле. Другое дело – сделать из подобных признаний должные выводы. На Западе в наибольшей степени распространены настроения Апокалипсиса – сложить руки и мирно задохнуться в горах отбросов. Но и человек, и этнос, как биологический организм, должен бороться за своё выживание. А в ситуации пришествия Суперцивилизации борьба за собственное выживание может вестись только в рамках борьбы за выживание человеческого рода. В этом очередная провиденциальная роль России. Очередная – потому, что цивилизация мирового масштаба (а Россия и есть Евразийская цивилизация), хочет она того или не хочет, призвана решать мировые задачи. России уже не раз приходилось их решать. С объективной точки зрения, и Советский Союз, по-видимому, был недостаточно осознанной (и, скорее всего, недостаточно удачной) формой решения задачи борьбы с Западной цивилизацией ("капитализмом и империализмом"). Неудачная форма отброшена, а задача не решена. Теперь она возложена на Новую Россию.

Основные направления и методы решения задач культурного строительства

Из нашего беглого анализа мирового и российского культурного процесса можно вывести основные опасности для российской культуры. Это:

- наступление монокультуры;
- процесс биологического вырождения;
- деградация российской культуры.

Фактически это три стороны единого процесса деградации, почему и о борьбе с ними мы будем говорить в комплексе.

В мире накоплен и в известной мере обобщён немалый опыт борьбы за укрепление и совершенствование национальных культур. Он замалчивается и отрицается именно потому, что это опыт *национальных* культур, противоречащий опыту акультуры НЙЛА. Но мы сейчас можем вполне определённо считать, что подъём культуры необходимо вести, начиная с первопричин и восходя к их следствиям. Исходя из этого, следует начинать с противодействия процессу биологического вырождения, т. е. с *евгенической программы*.

Накоплен уже немалый опыт практической евгеники. Кое-где евгеническое законодательство действует и сейчас, например – в Японии. Наиболее радикальный пример евгенической программы в своё время продемонстрировала Германия – имеется в виду закон от 1 ноября 1938 г. об эвтаназии неизлечимых сумасшедших, олигофренов и даунов. На Нюрнбергском трибунале закон этот был объявлен преступным, но после ликвидации де-факто Потсдамской системы и договора ОБСЕ в 1991 г. и фактической замены ООН НАТО в 1999 г. вряд ли имеет смысл вспоминать о Нюрнбергских постановлениях. В конце концов не Россия ломала Потсдамский миропорядок, не у нас и головы должны болеть.

Несмотря на все Нюрнбергские постановления, непреложным фактом остаётся то, что немцы, применив радикальные средства, за короткий срок добились серьёзного совершенствования национального генофонда. Если кому-либо претят радикальные меры, то ведь можно того же результата достичь более мягкими средствами, но в более длительные сроки. Например, переход к обязательной стерилизации душевнобольных, рецидивистов, неизлечимых наркоманов и алкоголиков существенно сузит возможности рассеяния поврежденного генофонда. Распространение этой меры на родителей даунов и олигофренов, или, по меньшей мере, введение обязательного аборта по медицинским показателям для них и для болеющих (отчасти – и болевших) венерическими и генетическими болезнями сузит эту возможность до пределов, обеспечивающих возможность роста здорового генофонда. А резкое увеличение пособий на детей (*здоровых* детей) окончательно закрепит эту тенденцию.

Если же будут приняты меры против межрасовых браков, хотя бы даже такие мягкие, как отказ в пособии по случаю вступления в брак (если хотим иметь что-то, хотя бы похожее на социум, а не на обезьянью стаю, придётся ввести и такие пособия, и достаточно весомые) при неблагоприятных генетических показателях (а это потребует введения медицинского заключения на право вступления в брак), то процесс евгенизации двинется ещё быстрее. Кажущаяся суровость подобных мер сразу смягчится, если вспомнить, что уже сейчас каждым двум россиянам приходится своим трудом содержать третьего, асоциала – дауна, олигофрена, алкоголика, рецидивиста, наркомана (а нашим внукам предстоит уже содержать одного такого *каждому*) ... И это только ущерб, так сказать, первого порядка. Если же вспомнить об ущербе второго порядка, т. е. о воздействии генетических больных на культуру социума, то принятие евгенической программы представляется неизбежным. При этом чем ранее она будет введена и чем радикальнее будет, тем дешевле (во всех смыслах) обойдётся.

Собственно *культурная программа*, т. е. повышение уровня культуры российского социума, не имеет смысла без проведения евгенической программы. Но и при условии её осуществления подъём культурного уровня необходимой предпосылкой должен иметь подъём социального статуса позитивной составляющей социума. Иначе говоря, последовать евгенической программе и предшествовать культурной программе должна *социальная программа*.

Основным препятствием к социальному развитию российского общества является тот самый унаследованный от Византии цезаризм (этот термин точнее, нежели "тоталитаризм"), т. е. чрезмерная концентрация властных функций в руках центрального правительства. Разумеется, цезаризм в России имеет достаточно репрезентативные объяснения и оправдания – экстремальность природных условий и совершенно непомерные трудозатраты на обеспечение минимума жизненных условий, облегчение мобилизации ресурсов страны во время кризисов, совершенно неизбежных при перманентно сложной геополитической ситуации в Евразии и т. д. и т. п. Всё это так. Но сверхконцентрация власти деструктурирует и атомизирует социум, превращает его в облако пыли, в скопище индивидуумов, если и связанных друг с другом, то только через Кремль. Вот в чём обратная сторона сталинизма, несмотря на всю привлекательность для многих его парадной стороны. Диктатура не может взойти на гранитный постамент, но только на кучу песка; а вот устоять на куче песка никакая диктатура не в состоянии. Чтобы устоять, ей нужен гранитный фундамент – но откуда же он возьмётся после долгой и усердной атомизации социума? Такова судьба всех политических диктаторов, от Гая Юлия Цезаря до Бориса Ельцина.

Поэтому путь развития и совершенствования российского социума один - децентрализация власти и структуризация общества. Нельзя сказать, чтобы попыток к этому не предпринималось – стоит вспомнить хотя бы пресловутый призыв "брать суверенитета, сколько нужно". Беда в том, что эта деконцентрация власти проводилась *сверху*, а потому и привела только к тому, что вместо одного цезаря

появилось полторы сотни малых цезарят, которые прочно заблокировали реальное применение законодательства о местном самоуправлении. Этот печальный опыт жёстко диктует тактику правительственных и общественных сил в вопросе структуризации социума – *снизу*, от улиц и хуторов, а не от краёв и областей.

О форме структуризации думать не приходится – это всё те же советы, которые, как нас учили, рождены творчеством революционных рабочих Иваново-Вознесенска в 1905 г., и которые на самом деле стары, как сама Россия, поскольку в наибольшей степени соответствуют менталитету русского народа. Возврат к советской форме правления неизбежен – конечно, на новом уровне. Иначе и возродить их смысла нет.

Это, конечно, не будут советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, и даже не советы депутатов трудящихся. И, конечно, никакая партия, ни самая массовая, ни самая финансовая, не должны будут их контролировать. Их задачей будет принятие в свою сферу компетенции всех специфически местных вопросов и одновременно – обеспечение решения вопросов компетенции вышестоящих советов в части, их касающейся. Как видно, система должна быть очень гибкой.

Такая система, например, способна разрешать вопросы взаимодействия национальных культур, т. е. в конечном счёте – национальный вопрос в России. Для этого достаточно организовать советы по национальному признаку, а единый совет (территориальный, производственный, профессиональный и др.) – создавать путём оптации в него национальных представителей по процентному числу представителей данного этноса в общине (на предприятии, в профессиональной группе и др.). Этот порядок даёт возможность его распространения на всё явления культурной жизни. Т. н., если в городе 10 % населения – татары, то в 10 % школ города преподавание должно вестись на татарском языке, 10 % общего времени теле- и радиовещания должно осуществляться на татарском языке (а если есть 10 телепрограмм, то одна из них должна быть татарской), 10 % студентов в ВУЗах города должны быть татарами и т. д. Если татарский национальный совет этого города решит, что хватит и 5 % татарских школ – что ж, пожалуйста. А вот если он решит, что ему нужно, чтобы татарскими были 15 % школ – придётся не принимать во внимание.

Вся суть этой общинно-советской системы в том, что не только каждая территориальная (производственная и др.) единица, но и национальная община должна решать свои проблемы (а для национальной общины подавляющее количество проблем носят именно культурный характер) за счёт собственных средств (т. е. местных налогов и сборов, а для национально-культурной общины – общинных сборов). Сейчас это положение может показаться преждевременным, но основа общинной структуры российского социума – именно в принятии ими на себя расходов по содержанию и развитию общин. В современной ситуации это более чем сложно, но, начав с минимума, можно постепенно, в течение нескольких десятилетий, перевести общины на режим максимального самообеспечения. На режим полного самообеспечения их, скорее всего, никогда не удастся вывести: региональные и центральные власти будут продолжать в каком-то объёме участвовать в общинных расходах – например, в расходах на школьное образование, уже хотя бы для того, чтобы обеспечить единство квалификационных требований к выпускникам учебных заведений.

Но структуризация социума не является единственным условием культурного строительства. Следующим шагом социальной программы должно быть повышение общественного статуса личности. Это может быть сделано только введением эмеритальных цензов, т. е. законодательной оценкой полезности индивидуума для социума. Имеет ли смысл цепляться за устарелую эсеровско-большевистскую "четырёххвостку"? Полнота политических и общественных прав должна определяться не только гражданством и возрастом, как в настоящее время, но и цензами – а, следовательно, должна быть введена градация этих прав. Цензы: домо(квартиро)владения, прохождения военной службы для мужчин, наличия законного ребёнка для женщин, срока

поражения в правах после судебного наказания или вообще в судебном порядке, образовательный – да мало ли можно ввести цензов по примеру старейшей демократии Европы – швейцарской. А поскольку совет Европы так одобрительно относится к прибалтийской практике, то можно ввести и национальный ценз, существенно ограничив права представителей некоренных этносов. Во всяком случае, пора заканчивать с идиотским порядком, при котором рецидивист, всю жизнь воюющий с обществом или олигофрен, всю свою травяную жизнь сидящий у общества на шее, равны в правах учёному, разработки которого дали народному хозяйству многомиллиардные прибыли, да даже и просто человеку, честно проработавшему всю жизнь, воспитавшему детей и внуков.

Если на то пошло, то следует открыто сказать и об ограничении экономических прав. Идея о полной экономической открытости России базировалась на ожиданиях масштабных экономических инвестиций из-за рубежа. Инвестиций как не было, так и нет, а экономическая открытость привела только к тому, что Россия стала дойной коровой для торговых кланов южных народцев. Наполеон говорил, что "не следует вкладывать дополнительные силы в то, что уже закончилось провалом". Может быть, хватит упорствовать и с экономическим либерализмом? Серьёзные иностранные фирмы имели благоприятный инвестиционный климат и в Советском Союзе и охотно сотрудничали с ним. А всякие "братья Чёрные" вместо ожидавшегося экономического подъёма устроили нам перманентный экономический кризис. Так что представляется совершенно необходимым режим экономических санкций для подобных жучков и их компрадоров и, в первую очередь, введение по примеру демократической ФРГ запрета на профессии для лиц, обманувших доверие общества.

Вспомним, что все эти меры не являются самодовлеющими. Их необходимо проводить для того, чтобы резко поднять социальную роль и значение человека социального, носителя культуры социума, по сравнению с асоциальными элементами, представителями акультуры, инокультур и негативных субкультур. Это, наряду с возвращением социуму истинных его функций – основополагающая предпосылка для культурной программы. Собственно культурная программа сводится к распространению в социуме высоких образцов культуры и сужению области существования антикультурных явлений. Распространение высших образцов культуры, конечно, не следует сводить к таким примитивным действиям, как круглосуточная передача по всем радиоканалам произведений Баха. Мы имеем в виду создание условий для совершенствования системы взаимных отношений в обществе. А для этого необходимо привитие обществу опыта наиболее позитивных субкультур (в особенности военной и духовной) и вытеснение из социальной практики субкультур наиболее негативных (в особенности уголовной). Главной трудностью на этом пути будет преодоление сопротивления СМИ, через основную массу которых в российское общество хлещет зловонный потоп даже не акультуры, а попросту антикультуры. Основная часть СМИ России ведёт непримиримую борьбу с позитивными субкультурами (в особенности военной) и любовно культивирует субкультуры негативные (в особенности уголовную), т. е. действует в направлении, диаметрально противоположном намеченному нами. Подобных случайностей не бывает – можно не сомневаться, что через них уже вовсю осуществляется культурная программа с обратным знаком, пока мы только начинаем приходить к выводу, что нам необходима культурная программа.

Обезоружить эту часть СМИ возможно и без "посягательства" на свободу слова. Что собой представляет конституционное положение о свободе слова? Только то, что индивидууму эта свобода предоставлена *юридически*. Но, чтобы произнести своё свободное слово, индивидуум должен иметь на данный акт ещё и *моральное* право. Поэтому те, кто пытается превратить пропаганду анархии, разврата и нигилизма в конституционное положение, должны получать по рукам просто автоматически. Сделать это можно путём введения Этического кодекса, а также принятия Законов о диффамации

и, по примеру США, о регистрации иностранных агентов (конечно, не включая в данный Закон получение авторских гонораров и грантов на научные исследования от зарубежных организаций). Введение Этического кодекса потребует введения комиссий по этике на всех уровнях, и надёжное управление этими комиссиями способно сделать СМИ (по крайней мере ту часть их, которая сможет существовать в новых условиях) культурно позитивным инструментом. И, по-видимому, неизбежно распространение запрета на профессии и в сфере СМИ, а если шире – в культурной сфере вообще. Надо создать положение, при котором "известная" (мы бы сказали – "пресловутая") "певица" с голосом, как у скрипучей двери, использующая телевидение в основном для того, чтобы на виду у всей страны лапать девчонок из кордебалета, вообще не могла бы появиться не только на телеэкране, но и на самой захудалой сцене.

И здесь, в собственно культурной программе, должны продолжаться меры социальной программы – слишком уж тесно связаны состояние культуры и состояние социума. Так, чтобы сделать высоким примером позитивные субкультуры, необходимо продолжать проведение мер по подъёму их социального статуса. Так, для военной субкультуры необходимо будет последовательно проводить в жизнь положение о прохождении военной службы всеми мужчинами, с изъятиями только по состоянию здоровья и по социальным показателям (для антисоциальных элементов), чтобы, как в прежние времена, девушки отказывались ходить на свидания с парнями, не отслужившими срочной службы. В этом был и есть глубокий смысл – человек, не служивший своему народу, социально неполноценен и не заслуживает доверия в качестве кандидата в партнёры по созданию семьи. Необходимо кардинально пересмотреть систему отсрочек, сделать её более гибкой (и, для избежания ущерба образованию, может быть, поднять призывной возраст – если и не до 22 лет, как до 1939 г., то хотя бы до 20, как до 1917 г.; вообще, возраст призыва надо привести в соответствие с возрастом завершения юношеского периода – современный призыв полудетей, не созревших ни в физическом, ни в психическом плане, не оправдан мобилизационными потребностями, в отличие от 1939 и 1968 г., когда возраст призыва снижали для скорейшего накопления обученных солдат). А если уж отсрочка от призыва для завершения образования предоставлена, то должно быть и положение об отработке этой отсрочки именно в полученной специальности и именно там, где это нужно государству и обществу. Для освобождённых от военной службы по медицинским и социальным показателям (и только для них!) должна быть введена альтернативная служба – работы на непопулярных специальностях в неприятных местах на достаточно длительный срок.

Положение духовной субкультуры можно повысить изменением отношения государства к ней. В частности, сохраняя отделение церкви от государства, тем не менее представляется совершенно необходимым пропаганда основ религии, как матрицы культуры (см. раздел "Религия и культура"). Наиболее естественным путём это можно сделать, введя в учебных заведениях всех уровней достаточно серьёзный курс "Основ религиоведения". Этот курс должен преподаваться по четырём вариантам основных религий России – православия, ислама суннитского толка ханифитской школы, ламаизма и шаманизма. Обучение обязательно для всех учащихся, но вариант религии учащиеся (с участием родителей, естественно) выбирают сами. И уж, конечно, все секты и экзотические религии должны быть вынесены за рамки преподавания. Если кому-то хочется преподавать иностранную религию – пожалуйста, в рамках соответствующей национальной общины, за её счёт и не в ущерб утверждённой школьной программе. И уж, конечно, права всяческих сект, как имущественные, так и на пропаганду своих догм, должны быть ограничены – прежде всего тем, что подавляющее большинство их вынуждено будет регистрироваться в качестве иностранных агентов (см. выше).

Снижение общественной значимости уголовной субкультуры потребует пересмотра основ пенитенциарной системы. В современном своём виде она основана на некогда показавшейся привлекательной, но на практике оказавшейся ложной идее о том, что

человек формируется исключительно воспитанием, а, следовательно, его можно и перевоспитать. В результате в наших ИТК (или как они теперь официально называются ...) происходит нечто прямо противоположное задуманному – уголовники перевоспитывают случайных людей и тем самым расширяют свою субкультуру и сферу её влияния в социуме. Между тем, современные психологи давно пришли к выводу, что человеческая психика на 80 % определяется его генотипом и не более, чем на 20 % фенотипом, т. е. влиянием среды. Надо и пенитенциарную систему приводить в соответствие с реальностью.

Прежде всего надо в максимальной степени отделить преступников от социума, и в первую степень – от детей. Рецидивисты, лица, совершившие повторное преступление, хотя бы и по другой статье, лица, совершившие тяжкие преступления в силу психической предрасположенности должны содержаться отдельно от других категорий правонарушителей – не в каких-то там ИТК, а попросту в тюрьмах. Экономической выгоды от них всё равно не будет, поскольку в уголовной субкультуре труд – занятие позорное. Пусть зарабатывают себе на пропитание сверх биологического минимума и на одежду, и большего от них ждать не стоит. Для них следует резко увеличить строгость наказаний, ввести ссылку и, наверное, по примеру США отменить принцип поглощения одного срока другим и ввести принцип суммирования сроков (или, может быть, комбинировать применение этих принципов в соответствии с тяжестью преступлений и личностью преступника).

А для случайных преступников, не представляющих социальной опасности, видимо, вообще стоит заменить заключение в исправительно-трудовых учреждениях на общественные работы с оплатой прожиточного минимума, высылкой и т. п., сохранив ИТЛ только для тяжёлых и сомнительных случаев. Но сохранив только для них, никоим образом не смешивая их с асоциалами.

Главные средства уголовной субкультуры – наркомания и проституция. Сейчас к наркоманам относятся как к несчастным людям, забывая, что без биологической предрасположенности человек не станет ни наркоманом, ни алкоголиком (добавим – и проституткой тоже не станет). Что ж, если рано ломать это представление, то ведь ужесточение наказаний для наркокурьеров, распространителей наркотиков и сутенёров всегда встретит сочувствие общества. Для самих наркоманов, представляющих собою немалую опасность для окружающих, можно восстановить принудительное лечение (допустим, после третьего задержания), равно, как и для алкоголиков, представляющих собой хотя и меньшую общественную опасность, зато точно так же являющихся балластом для общества. Проститутки от проституции не отучить (*настоящих* проститутки), но можно вспомнить времена империи и регулировать их древний промысел – ввести регистрацию, обязательные медицинские осмотры, строгую судебную ответственность за заражение клиента, высокие штрафы за несоблюдение установленных правил, высылку за их систематическое несоблюдение и т. д., и т. п. Во всяком случае, сделать всё, чтобы развеять романтический ореол этой профессии в незрелых мозгах подрастающего поколения.

Но самый главный момент культурной программы – восстановление базы территориальных субкультур, т. е. возврат земли крестьянству (в конечном счёте – восстановление крестьянства). Наверное, человеку вполне рыночному дико читать такое предложение – ведь сколько можно получить денег от продажи земли! Это, конечно, верно, и, распродав сельскохозяйственные угодья России, можно добрый десяток лет содержать бюрократический аппарат страны без всяких проблем. Ну, а дальше на что его содержать?

Гораздо большие средства можно получить от крестьянства, владеющего землей – правда, в более длительные сроки. И, конечно, потребуются первоначальные вложения на долгосрочные ссуды для землевладельцев – иначе отдачу от землевладения придётся ждать до бесконечности. Но и в культурном плане, и в плане чисто экономическом

земельную реформу откладывать невозможно, и суть её может быть только одна – безвозмездная передача сельскохозяйственных угодий желающим работникам сельского хозяйства (лично и через общины) и желающим вернуться на землю из числа мигрировавших в города. Банки и скупщики земли всех видов должны быть от этой земли отсечены, продажа и заклад земли на определённый срок запрещены, аренды ограничены, но и контроль за использованием земли (с предусмотрением механизма изъятия у лиц, неспособных наладить разработку угодий должным образом) должен быть жёстким. Только через поколение можно будет начинать поэтапно вводить товарные отношения в сельскохозяйственный оборот.

В плане культуры это даст российскому обществу прочную опору против крепнущих и разрастающихся акультурных сообществ. Во всех прочих планах – предоставим судить специалистам, отметим только, что подобный вариант аграрной реформы, пожалуй, единственный исключаяющий вероятность гражданской войны.

Это только примеры ведения культурной программы. По каждому её разделу можно высказать очень многое, но сейчас это не входит в наши задачи.

Организационные основы культурного строительства

Встаёт вопрос, кто будет проводить в жизнь эти программы. На Министерство культуры в данной работе рассчитывать не приходится, слишком уж эта организация себя скомпрометировала. Что это за руководство культурой, при котором безголосая и не вполне нормальная музыкальная клоунесса открыто именует себя великой певицей, а президент в подтверждение этих болезненных бредней обвешивает её орденами, в то время как величайшая русская певица, Татьяна Петрова, не имеет возможности выступать на российской сцене и вынуждена петь за границей? А Государственная премия Г. Остеру – за "Вредные советы", надо полагать? А общее состояние российской эстрады, которую народ характеризует метким словечком "пидер-шоу"? Наконец, последнее назначение министра культуры – нацмена для России! -- настолько дискредитировало эту организацию, что её лучше совсем убрать, нежели пытаться гальванизировать.

Можно начертать великое множество организационных схем, но это не главное. Главное – то, чтобы эти схемы *не были бюрократическими*, т. е. чтобы не было засушено на корню великое дело. Но и в руки политиков отдавать это дело никак нельзя. Значит, оно должно вестись руками общественных деятелей. Мы видим руководящим органом Высший совет по культуре (и, желательно, не при президенте; лучше уж при Совете безопасности), с подчинёнными ему рабочими органами типа Федеральной комиссии по этике (см. выше) и Госкомитета по культуре и образованию. А далее – возможно более гибкая схема.

Что действительно важно, так это подготовка кадров для проведения в жизнь перечисленных выше программ. Вот это действительно займёт много времени и потребует больших средств. И это ещё один довод в пользу плавного, постепенного наращивания перечисленных выше мероприятий и формирования условий для них, в жёсткой увязке со сроками подготовки и наличием кадров для культурной работы. Здесь без проработки вопроса каким-то научно-исследовательским учреждением не обойтись. И лучше, если это будет не отраслевой НИИкульт, имеющий все шансы стать очередным отстойником для бюрократов от науки, а общественное учреждение типа Академии культуры, живущее и работающее на средства от оплаты правительственных заказов и укомплектованное людьми, близко к сердцу принимающими состояние национальной культуры. Таких людей (и общественных организаций) много, причём обладающих самой высокой квалификацией в области культурного строительства.

Очень важный организационный вопрос культурного строительства – вопрос его стратегии. До сих пор мы проигрываем культурное противоборство именно потому, что наша богатейшая и высокоразвитая культура менее агрессивна, нежели западная и некоторые другие. Иными словами, мы поставлены в положение обороняющегося,

заведомо менее выгодное по сравнению с наступающим. Мы не можем придать нашей культуре агрессивность, да и незачем это делать – ведь это будет уже иная культура, а мы хотим сохранить и развивать культуру именно свою. Но мы вполне можем выдвинуть наступательную культурную концепцию для пропагандистского применения её на мировой и внутренней аренах.

Нам представляется, что такой концепцией может стать "концепция интегральной экологии". В чём она заключается? Существующая экологическая концепция сводится к защите биоценоза от техногенной деятельности человека, т. е. к чисто биологическим функциям. Между тем, корень зла в том, что человеческая психика воспринимает разрушение биоценоза как естественное действие, часть процесса жизнеобеспечения своего вида. Т. е., традиционная концепция бьёт по хвостам, не затрагивая сущности явления. Интегральная экология должна в первую очередь создавать условия для неприменения технологии против биоценоза, т. е. заниматься человеческой психологией. А это и есть развитие культуры. Такую концепцию не стыдно будет даже президенту провозгласить на каком-нибудь представительном форуме.

И в конечном счёте ему придётся её провозгласить, ибо выбор невелик. Или предпринять решительные меры по культурному строительству (и чем дольше откладывать, тем более решительные), или безвольно катиться по наклонной плоскости, гадая, скоро ли она закончится обрывом.

Белый Мир Е- Морозов Памятная записка по вопросу культурного строительства в российском социуме

Аббревиатура **НЙЛА** расшифровывается как **Нью-Йорк — Лос-Анджелес**. Это космополитическая субкультура, которая, формируется в крупных мегаполисах и противопоставляет себя национальным культурам.